

САЙРУС ВИ

ТЕНЬ АНДРОМЕДЫ

НАСЛЕДИЕ БОГОВ И ПЫЛИ

ТОМ ПЕРВЫЙ

ХРОНИКИ КСИЛОРИИ

ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ ПРОШЛИ,
НО ИХ НАСЛЕДИЕ ДО СИХ ПОР ЛЫЖИТ В ГАЛАКТИКЕ.

Сайрус Ви

Тень Андромеды. Том 1.

Наследие богов и пыли

<https://litres.ru/73544036>

SelfPub; 2026

Аннотация

Ксилория. Сердце Империи. 2000 лет спустя после гибели Вердианта.

Джефир — аномалия. Его тело вмещает три дара, которые должны убивать друг друга. Но он жив. И этого достаточно, чтобы Смотритель Альтаир объявила охоту.

Изолятор «Тишина». Башня Незримой Воли. Лаборатории доктора Раскина. И безумная оракула Юридика, которая видит в нём не брак, а ключ к забытому наследию.

Когда эксперимент выходит из-под контроля, Джефир пробуждает нечто древнее. «Кантарион» — сердце корабля Эонитов — отвечает на его крик. И теперь за ним охотятся все: Империя, Пожинатели и собственная боль.

Роман о побеге, выборе и цене, которую платят те, кто осмелился быть собой.

Содержание

Пролог	4
Глава 1 Приговор Альтаир	6
Орудие, которое взбунтовалось	6
Глава 2 Между тактом тишины	13
Сцена 1: Уставший бог	13
Сцена 2: Белый ящик	16
Глава 3 Калибровка	23
Сцена 1: Путь в Башню	23
Сцена 2: Доктор Раскин и Третье Око	28
Глава 4 Решение и отпечаток	35
Сцена 1: Совещание у трона	35
Сцена 2: Крипта. Отпечаток	42
Глава 5 Слух камня и шепот трона	51
Сцена 1: Грамматика тишины	51
Сцена 2: Отчёт о нелогичном	54
Сцена 3: Бог, смотрящий в оба конца трубы	56
Сцена 4: Триада и приманка	58
Глава 6 Сад теней	61
Сцена 1: Проросшее наследие	61
Сцена 2: Сердце Сада и пришествие Пустоты	65
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Сайрус Ви

Тень Андромеды. Том 1.

Наследие богов и пыли

Пролог

Он проснулся от тишины. Не от её отсутствия – от её гула. Тишины на корабле, где ещё вчера жили миллионы. Теперь – только гул двигателей и скрежет в костях, будто кровь в венах застыла ледяными осколками.

Он был не воином. Он был Архитектором. Тем, кто проектировал города-сады и мосты между звёздами. А теперь он – последний, кто помнил, как пахла трава его мира. Последний, кто носил в себе их песни.

Враг не оставил ничего. Только прах и пустоту. И один корабль – чужой, трофейный, пропитанный запахом чужих технологий и чуждой ненависти. На этом корабле лежали рецепты вечной молодости и чертежи врат в иные миры. Инструменты богов, украденные у дьяволов.

Он стоял у карты звёзд, дрожа от усталости. Рука сама потянулась к далёкой спирали – Млечному Пути. Там была жалкая, молодая раса на бледно-голубой планете. Они ещё не знали, что такое война на уничтожение. Они ещё верили

в своих божков и драконов.

В его глазах горел холодный, ясный свет отчаяния.

«Простите меня, – прошептал он мёртвым. – Я не построю вам памятник. Я построю оружие. Из них».

И он задал курс. К маленькой голубой точке. К Земле.

Чтобы спасти галактику, ему предстояло переделать в богов тех, кто ещё даже не вышел в космос.

А начать – с самого себя.

Первая доза "Инициатора" вошла в горло, как раскалённый гвоздь.

Глава 1 Приговор Альтаир

Орудие, которое взбунтовалось

Ксилория. Сердце Империи. 2000 лет спустя.

Они называли это «наследием Архитектора». Джефир называл это клеткой.

Свет в казарме зажёгся ровно в 05:00 по имперскому циклу. Холодный, безжизненный. Он встал с койки, чувствуя привычное дрожание в кончиках пальцев – не невидимые муравьи, а острые иглы. Телекинез. Первое из его проклятий.

Сегодня был день оценки в Академии «Сверкающего Пути». День, когда определяли, достоин ли ты тренировать Лимпо – прыжок через пространство. Учеников оценивали не только по дальности, но по контролю. А контроль был единственным, что отделяло тебя от клейма «мутанта», «нестабильного», «угрозы».

Он проглотил утренний препарат. Горький привкус смешался с привкусом ржавчины – его собственной крови. «Стабильность», – говорили инструкторы. «Подарок Архитектора». Джефир чувствовал, как что-то внутри него замирает, затягивается в тугой, болезненный узел. Пилюля не дарила силу. Она смиряла её, как смирительная рубашка для

безумца.

Тренировочный зал представлял собой огромный ангар с разметкой на полированном полу. 10 метров. 25. 50. Максимум для учеников. С потолка свисали голограммы-мишени. Воздух пах озоном и страхом – солёным, резким.

На галерее за прозрачным стеклом уже сидели Наблюдатели. Полубоги в безупречных серых мантиях. Они не улыбались. Они оценивали. Джефир почувствовал, как под кожей снова забегали мурашки, а в висках застучал тупой гул – его Виган, второе проклятие, пытался прорваться наружу, чтобы рассмотреть ауры этих бесстрастных судей. Он сжал зубы, подавил волну.

«Только бы не выделяться», – думал он, занимая свою позицию на отметке в 10 метров. «Серый. Средний. Забываемый».

Его очередь. Он сделал вдох. Сосредоточился на точке прибытия. И в этот момент ученица напротив – хрупкая Лира – оступилась. Её панический выброс страха, алый и липкий, ударил по его нестабильным чувствам, как молот по стеклу.

Всё пошло наперекосяк.

Его сила Вегана взорвался в сознании, показав мир паутиной светящихся нервных окончаний. Звук растянулся в низкий гул, пылинки замерли в воздухе. Телекинез, повинувшись инстинкту, рванулся «поддержать» падающую, сжимая воздух перед ней в невидимый щит. Синие вены на его запястье

вздулись и лопнули, брызнув тёмной жидкостью с запахом озона. А тело, пойманное в водоворот внутренних команд...
...сорвалось с цепи.

Не прыжок. Это был разрыв пространства.

Воздух хлопнул, оставляя после себя дрожащее эхо. Джефир исчез с отметки. Он пролетел над головами застывших однокурсников, над отметками в 50, в 80 метров, и врезался в противоположную стену ангара с таким треском, что поликарбонное покрытие покрылось паутиной трещин.

Звуковая волна выбила стекло наблюдательной галереи – оглушительный звон, похожий на плач мёртвой планеты.

Он рухнул на пол. В глазах потемнело. Тишина. Потом – крики. Рёв сирены.

Когда зрение вернулось, он увидел себя в центре сюрреалистичной картины. Однокурсники смотрели на него с ужасом. Лира плакала, её слёзы падали на пол и застывали прозрачными кристалликами. На разбитой галерее метались силуэты в дорогих одеждах. И прямо на него, сквозь расступающуюся толпу, шли трое.

Двое стражников в чёрной форме. И между ними – женщина.

Она была невысокой, строгой. Тёмные волосы гладко за-

чёсаны назад. На лице – тёмные очки, скрывающие глаза. Её шаги были отмеренными, без суеты, и от них не оставалось эха. Она была воплощением холодного порядка, который висел над Ксилорией, как искусственное небо.

Альтаир. Смотритель Школы «Ока Вечного Дозора». Глаза и совесть Империи. Это было не имя, а звание, унаследованное от Первых Колонистов – «ярчайшая в Созвездии». Символ абсолютной ясности, недостижимой высоты и холода, пронизывающего кости. Смотря на неё, Джефир понимал: перед ним не человек, а воплощённый принцип. Принцип порядка, который не прощает ошибок.

Она остановилась перед ним. Стража замерла по бокам.
– Джефир, – её голос был тихим, ровным и резал шум, как лезвие. – Дистанция прыжка – сто двенадцать метров. Энергетическая сигнатура не соответствует протоколам Лимпо. Одновременно зафиксирован несанкционированный телекинетический импульс.

Она сделала маленькую паузу, доставая планшет.
– За последние шесть месяцев в твоём секторе – семнадцать микроаномалий. Самопроизвольное движение предметов. Искажения воздуха. Галлюцинации у соседей.

Она подняла голову. И хотя глаза были скрыты, он почувствовал, как её взгляд сканирует его, слой за слоем, как хирургический луч.

– Объясни, пожалуйста, – сказала она, и в её голосе не было ни гнева, ни страха, только чистое, леденящее любопытство учёного к необъяснимому феномену. – Как одна человеческая биосистема, согласно всем нашим моделям, способна генерировать три различных, взаимоисключающих поля пространственного искажения... и при этом не рассыпаться на молекулы?

Джефир открыл рот. Ничего не вышло. Только ком в горле. Он хотел крикнуть, что не просил этого. Что он боится этого. Что внутри него живёт чудовище, которое он не контролирует.

Но слова застряли.

Альтаир медленно сняла тёмные очки.

Её глаза оказались фарфорово-белыми, бездонными. От уголков вниз, под воротник мантии, расходилась паутина светящихся узоров. Она смотрела сквозь него, видя плоть, кости, сломанные капилляры.

– Ты не ученик, – констатировала она. – Ты – аномалия. И аномалии не подлежат обучению. Они подлежат изучению. Или утилизации.

Она кивнула страже.

– Изоляция. Уровень «Тишина». Я буду лично курировать дело.

Его подняли под руки. Без грубости, но с неотвратимой твёрдостью механизма. Когда его вели к выходу, он бросил последний взгляд на разбитую галерею. Один из Наблюда-

телей, поправляя порванную мантию, открыл на мгновение грудь – на коже мелькнула татуировка в виде сложной паутины. Пожинатели? – мелькнуло в горячем сознании Джефира.

«Я построю оружие. Из них», – где-то в глубине памяти, как отголосок древнего кошмара, прозвучали слова, которым его учили на уроках истории. Слова Архитектора.

Джефир не знал, кто такой Архитектор на самом деле. Он знал только миф – о спасителе, отце, боге.

Но сейчас, с треском разбивающихся стёкол за спиной и с холодным взглядом Альтаир, впивающимся в его душу, ему впервые пришла в голову другая мысль.

А что, если оружие, однажды созданное для спасения, отказывается стрелять в нужную сторону?

И что тогда делает архитектор с бракованным инструментом?

Дверь захлопнулась, отделяя его от мира, который он едва начал понимать. А в конце коридора, в кромешной тьме за очередной герметичной дверью, мерцали два светящихся глаза. Юридика ждала – безумная оракула, которая, как ходили слухи, однажды посмотрела в самую суть Империи... и рассмеялась.

Его война ещё не началась. Но первая битва была проиграна.

В кармане его тренировочной формы жгло холодом. Там лежал обрывок бумаги с детским рисунком – его мать нари-

совала его в день, когда отказалась пить пилюлю бессмертия. На обороте дрожащими буквами было выведено: «Беги, пока помнишь, кто ты».

Глава 2 Между тактом тишины

Сцена 1: Уставший бог

Покои Архитектора находились не на вершине самой высокой башни Ксилории, а в её сердцевине. Не для показного величия, а для защиты. Комната была сферической, и её стены в любой момент могли стать экранами, показывающими данные с любого уголка Империи. Сейчас они были глухими, свинцово-серыми, поглощающими даже эхо мысли.

Роланд стоял в центре, неподвижный, будто ещё одна колонна, поддерживающая тяжесть веков. В руке – тонкий кристаллический чип. В нём помещался не просто отчёт. Помещалась судьба.

Отчёт Альтаир об «Аномалии Джефир, № 7419».

Он не читал. Его сознание, усиленное тысячелетиями модификаций, поглотило данные за доли секунды. Графики нейроактивности, вспыхивающие, как судороги. Спектры энерговыделений, рвущиеся за пределы. Холодный, логичный вывод Смотрителя: «Феномен демонстрирует три взаимоисключающие пространственные мутации. Уровень угрозы стабильности – критический. Рекомендация: глубокая изоляция и препарирование для выявления механизма наследования».

Роланд закрыл глаза. Не для того, чтобы обдумать. Чтобы заглушить.

Из-за свинцовых стен памяти, сквозь шум тысяч лет, прорвался другой образ. Не график. Лицо. Дочь. Не смеющаяся, а смотрящая на него в последнюю секунду сквозь вздымающееся пламя с бездонным ужасом и вопросом, который он слышал каждый день с тех пор: «Папа, почему?»

Он построил Империю, чтобы никогда больше не слышать этого вопроса. Чтобы дать всем остальным простой ответ: «Потому что так надо». Чтобы заменить хаотичную, уязвимую жизнь – предсказуемым, управляемым бессмертием. Он выковал железный порядок из хаоса смерти.

И вот новая трещина. Новое «почему?» в лице мальчишки, который должен был стать безликим винтиком в отлаженной машине.

Его пальцы сжали чип. Хруст был тихим, похожим на ломанье инея. По кристаллической поверхности поползла паутина микротрещин, искажая холодный свет данных.

«Оружие из людей, Роланд. Получилось? Или ты просто создал новый вид пороха... который воспламеняется от собственного страха?»

Он открыл глаза. Взгляд был пустым, направленным в никуда, в точку между прошлым и будущим. В эту пустоту он и отправил свой мысленный приказ, который мгновенно, как электрический разряд, ушёл в нейронную сеть Ксилории:

«Смотрителю Альтаир. Санкционирую изоляцию и пер-

вичное изучение. Привлечь Оракулу Юридику как консультанта. Цель: определить, является ли феномен уникальной мутацией или симптомом системного сбоя в протоколах генной инженерии. Окончательное решение – за мной. Держите в курсе».

Он не давал ответа. Он давал время. И перекладывал проблему с плеч бога на плечи двух женщин, которые ненавидели друг друга. Одна – за её безумие. Другая – за её безупречность. Пусть они разберутся.

Архитектор повернулся к глухой стене. Она стала прозрачной, открыв вид не на сияющие сады Ксилории, а на сырой, чужой мрак космоса за пределами купола. Туда, откуда когда-то пришла Тень и унесла всё.

«Если ты семя, – подумал он, глядя в никуда, и мысль была тяжёлой, как свинец, – то дай росток, который я смогу контролировать. Если ты ошибка... то умри тихо. У меня нет сил на новые войны с призраками. Я израсходовал их все, чтобы построить эту тихую, мёртвую крепость».

Сцена 2: Белый ящик

Изолятор «Тишина» был математическим идеалом пустоты. Белый куб без углов, без швов, без видимых источников света. Воздух – стерильный, лишённый запаха, будто его варили и выморозили. Звук – только навязчивый, высокочастотный гул в собственных ушах, который возникал, когда внешний мир отказывался поставлять мозгу никаких данных. Это был звук собственной нервной системы, скупающей в вакууме.

Джефир сидел на платформе, сливавшейся с полом. Он пытался ощутить хоть что-то – щемящее чувство Вигана за переносицей, знакомый зуд телекинеза под кожей, мышечную память Лимпо в икрах. Ничего. Поля подавления высасывали из него всё, что делало его аномалией, оставляя лишь биологическую оболочку и вихрь мыслей, бьющихся о стены черепа. Это было хуже, чем боль. Это было небытие.

Ощущение, что тебя разобрали на молекулы и забыли собрать.

Дверь открылась беззвучно, разделив белую плоскость на две идеальные половины. Вошедшая женщина не была похожа на стражу или учёного. На ней был поношенный комбинезон технического персонала, на локтях – заплаты из другого материала. В руках – ящик с инструментами, издававший глухой дребезг. Её волосы с проседью падали на лицо,

плечи были ссутулены. Она бормотала что-то невнятное про «плановую проверку рециркуляции», не глядя на него, будто он был частью интерьера.

Где-то в глубине его вымороженного сознания, в искажённой реальности восприятия, мелькнул обрывок чужой, почти забытой мысли – отголосок его прежнего «я»: «Прислуга...» Но мысль не развилась, не вызвала ни презрения, ни страха. Она застряла и растаяла, как пылинка в мёрзлом сиропе. Он просто отвернулся, уставившись в белую стену, пытаясь раствориться в ней вместе с этим призрачным воспоминанием о том, что когда-то мог что-то чувствовать.

Лёгкий щелчок, похожий на звук отщёлкивающегося замка в другом измерении, заставил его обернуться.

Женщина стояла, прислонившись ладонью к стене. Но её поза изменилась. Ссутуленность исчезла, будто с неё сняли невидимый груз. Она стояла прямо, а её пальцы вдавливали почти невидимую панель, от которой по её руке и далее по всему телу пробежала лёгкая, странная дрожь – не от страха, а от колоссального напряжения, будто она удерживала на весу нечто очень тяжёлое и хрупкое одновременно.

Потом она повернула голову и посмотрела на него.

Джефир забыл, как дышать. Это был не взгляд замученного техника. Это был взгляд существа, только что вынырнувшего из ледяного океана Вечности и увидевшего солнце впервые за сто лет. Взгляд безумный, пронзительный и невыносимо живой. В её глазах, цвета потухшего неба, пла-

вала вся боль мира и вся его запретная тайна. Они звенели тишиной.

– Они выключили твой шум, – прошептала она. Голос был хриплым, ржавым, будто его не использовали для человеческой речи десятилетия, оттачивая его только для монологов в пустоту. – Хорошо. Шум мешает слышать музыку.

Она отпустила стену и сделала шаг вперёд. Её движения были теперь плавными, почти грациозными, обманчиво лёгкими. Из складок комбинезона она вынула предмет – тот самый гладкий, тёплый камень обсидианового цвета, в котором, казалось, были заточены целые галактики праха.

– Ты ещё не спросил его имени, – сказала она, перекатывая камень в ладони, и камень, казалось, оставлял за собой след в воздухе. – Камня. Он называется «Сердце Молчания». Иронично, да? Его нашли в развалинах первой лаборатории Эонитов на Витариуме. Там, где они впервые попытались научить кристаллы петь. Получился только тихий вой. Он теперь здесь.

Она протянула камень. Джефир, движимый гипнотической силой её присутствия, взял его. Камень был не просто тёплым. Он пульсировал. Слабый, медленный ритм, в такт его собственному сердцебиению, но с отставанием в пол-такта – будто эхо, а не оригинал.

– Я – Юридика, – представилась она, и в её голосе прозвучала странная смесь гордости и бездонной печали. – Меня когда-то называли Оком Империи. Потом – Еретичкой. Сей-

час я – «ресурс». Консультант по аномалиям. Как видишь, карьера идёт по наклонной. Прямо в белую яму.

Она села на пол напротив него, скрестив ноги, как ребёнок, готовый слушать сказку.

– Альтаир видит в тебе сломанную машину. Её задача – найти поломку, чтобы другие машины не ломались. Роланд... – она закатила глаза, и в этом жесте было больше усталости, чем презрения, – Роланд видит в тебе либо статистическую погрешность, либо намёк на ответ, которого он ждал тысячу лет. Он устал, понимаешь? Он так устал ждать, что готов уничтожить любой вопрос, лишь бы не искать на него ответ. Он превратил себя в памятник, а памятникам не нужны диалоги.

Она наклонилась вперёд, и её шёпот стал едва слышным, но каждое слово врезалось в сознание, как раскалённая игла, прожигающая насквозь.

– Но есть третья правда. Моя. Ты – не поломка и не ответ. Ты – вопросительный знак, обретший плоть. Вопрос, который Эониты задали вселенной, и на который она наконец-то начала отвечать. Твои три «проклятия» – это не три силы. Это три грамматических падежа одного древнего глагола. Глагола «БЫТЬ» – в активном залоге (Лимпо – действовать), в пассивном (Телекинез – принимать воздействие) и в среднем (Виган – воспринимать связь). Тебя не учили грамматике. Тебя учили кричать отдельные, рвущие голосовые связки, буквы. И от этого у тебя болит горло. И ломаются кости.

Джефир слушал, не в силах вымолвить ни слова. Его разум цеплялся за её слова, как за обломки в шторм. Её речь была безумием. Но каким-то образом это безумие складывалось в жуткую, пугающую ясность, которая резонировала с чем-то глубоко внутри, в том месте, откуда шла чёрная жидкость и фиолетовые трещины.

– Зачем вы... зачем ты мне это говоришь? – с трудом выдал он, и его собственный голос показался ему чужим, осипшим от тишины.

– Потому что за тобой уже выехали, – просто сказала Юридика, будто сообщала о погоде. Её взгляд потускнел на секунду, и она снова выглядела уставшей, смертельно уставшей. – Не стража. Исследователи из Башни Незримой Воли. Они будут «калибровать» твои способности. По отдельности. Будут бить током, чтобы вызвать телекинез. Крутить тебя в центрифуге, чтобы спровоцировать Лимпо. Показывать тебе кошмары, чтобы выжечь твой Виган дотла. Они разберут твою душу на винтики и гаечки и разложат по пробиркам. И назовут это наукой.

На её запястье тихо запищал браслет с тусклым зелёным светодиодом. «Такт» заканчивался. Поле подавления должно было вот-вот включиться, снова накрыв его свинцовым колпаком.

Она вскочила с неестественной резвостью.

– Их метод – разделять и властвовать. Мой метод – единственный, который работает. Слушать. Не бороться. Когда

придут – не сопротивляйся. Но и не подчиняйся. Слушай. Слушай боль в своих костях, когда тебя будут крутить. Слушай страх в своей груди, когда покажут образы распада. И слушай... пространство между болью и страхом. Там и живёт тот самый глагол. Там – твоя настоящая сила. Не для того, чтобы прыгать дальше всех. А чтобы понимать, куда прыгать надо.

Она схватила его за руку. Её пальцы были ледяными, сухими, как пергамент.

– Они скоро придут. Когда придёт Альтаир – говори ей о своих снах. О белой комнате без дверей. О пении камней. Это вызовет у неё не страх, а интерес. А интерес – отсрочка. Я... я попробую быть рядом. Но я тоже часть системы, которую ненавижу. У меня сдают батарейки, – она постучала пальцем по виску, и в её глазах мелькнула тень настоящего, не театрального страха.

Она отшатнулась, её фигура снова ссутулилась, взгляд потух, стал мутным и расфокусированным. Она была вновь похожа на измождённого техника, на призрак. Подняла ящик, бормоча что-то о неисправном фильтре и задержке по графику.

Дверь закрылась за ней с тем же беззвучным движением.

Белая тишина снова обрушилась на Джефира, давящая и абсолютная. Но теперь она была иной. Она была насыщенной. Насыщенной эхом её безумных слов, пульсацией «Сердца Молчания» в его сжатом кулаке и новым, чудовищным

знанием, которое не укладывалось в голову, но улеглось где-то в глубине костей.

Он был не браком. Не оружием.

Он был вопросительным знаком.

А вопросы в Империи, построенной на готовых, высеченных в камне ответах, были опасней любой бомбы. Потому что от взрыва можно построить новую стену. А от вопроса – трещина пойдёт навсегда.

Снаружи, в коридоре, слышались мерные, тяжёлые шаги, отдававшиеся в металле пола. Не два. Много. И лёгкий, настойчивый, металлический скрежет подъезжающей антиграв-платформы, везущей оборудование. Или инструменты.

Исследователи из Башни прибыли.

Джефир сжал «Сердце Молчания» так, что его края впились в ладонь. Камень ответил слабой, но ясной волной тепла, будто пытаясь успокоить. Он закрыл глаза, пытаясь сделать то, что казалось невозможным в этом выжженном пространстве.

Не готовиться к боли.

Слушать.

Глава 3 Калибровка

Сцена 1: Путь в Башню

Антиграв-платформа плыла по коридорам Ксилории бесшумно и неотвратно, как гроб в вакууме космоса. Её движение не оставляло следа, только лёгкое дрожание воздуха. Джефира окружало кольцо стражников в чёрных, обтекаемых доспехах, их лица скрывали визоры, отражающие искажённое, бледное подобие его лица, застывшего от испуга. Они не смотрели на него. Они смотрели сквозь него, как на контейнер с нестабильным грузом, который нужно доставить по координатам.

Он сидел, сжимая в кармане «Сердце Молчания». Камень был прохладным, но его пульсация – слабая, ритмичная, как удары крошечного сердца – стала единственным тактильным якорем в этом потоке стерильного ужаса. «Слушай», – звучал в памяти хриплый, ржавый шёпот Юридики.

Они миновали зоны, которых он никогда не видел. Через прозрачные стены, похожие на лёд, мелькали лаборатории с тихо гудящими машинами, где полубоги в белых халатах изучали что-то под ярким, безжалостным светом. Один раз он увидел, как из стены выдвинулся хромированный манипулятор и с хирургической, бесчувственной точностью сде-

лал надрез на руке добровольца – крови не было, только серебристая, краткая вспышка энергии, словно плоть была лишь оболочкой для света. Доброволец даже не моргнул.

Это была не Академия. Это была фабрика. Фабрика по совершенствованию, контролю и, если надо, аккуратной разборке на составные части.

Платформа остановилась перед циклопическим сооружением из чёрного, поглощающего свет материала – Башней Незримой Воли. Школа Телекинеза. Дверь в стене башни открылась, не издав звука, словно это была пасть, втягивающая добычу.

Внутри пахло озоном, статическим электричеством, сожжённой пылью и... особой тишиной. Но не той мёртвой тишиной из изолятора. Это была напряжённая, густая тишина, будто воздух здесь был постоянно сжат чьей-то невидимой, гигантской ладонью, готовой в любой момент сомкнуться.

В просторном, почти пустом зале их ждал человек. Высокий, сухопарый, с коротко стриженными седыми волосами и лицом, изборождённым не морщинами, а шрамами концентрации – глубокими, вертикальными складками у рта и между бровей. На нём была серая, без опознавательных знаков форма Башни, сидевшая на нём как вторая кожа. Его звали Матиус.

Он посмотрел на Джефира. Его взгляд был холодной оценкой. Взвешиванием массы, плотности, потенциала разрушения. Взглядом инженера на взрывное устройство.

– Аномалия передана под моё начало для силовой калибровки, – сказал он голосом, похожим на скрежет камня под прессом. – Все посторонние – покинуть периметр. Протокол «Молот».

Стражи развернулись и ушли единым механизмом. Джефир остался один с Матиусом. Тишина сжалась ещё сильнее, стала осязаемой.

– Я – Матиус. Старший инструктор силового отдела. Моя задача – измерить пределы твоего телекинеза и его природу, – он говорил чётко, без эмоций, как автомат. – Твоя задача – не сопротивляться. Сопротивление приведёт к усилению методов стимуляции. Боль – это обратная связь. Страх – это помеха. Понял?

Джефир кивнул, чувствуя, как под ложечкой холодеет, а в кончиках онемевших пальцев заныл знакомый, подавленный зуд.

– Первый тест: базовая нагрузка.

Матиус не пошевелился. Даже дыхание его, казалось, остановилось. Но воздух перед Джефиром сгустился. Невидимая сила, мягкая, но неумолимая, как толща воды на глубине, обволокла его, сжала грудную клетку, пытаясь выдавить последний глоток воздуха. Это не было больно. Это было противно. Унизительно. Как если бы само пространство отвергло его, захотело вытолкнуть, стереть.

«Слушай», – вспомнил он, и звук был таким ясным, будто она стояла за спиной. Он закрыл глаза, пытаясь игнориро-

вать панику, поднимающуюся по пищеводу. Что он должен слушать? Давление? Оно было везде.

И тогда он понял. Он слушал не пространство. Он слушал силу, которая на него воздействовала. За грубым, равномерным давлением была... воля. Не злая. Не добрая. Абсолютно сосредоточенная, целеустремлённая, лишённая малейшего сомнения или колебания. Воля Матиуса. Она была похожа на монолитный гранитный блок, отполированный до зеркального блеска дисциплиной.

В ней не было трещин для диалога, не было шероховатостей эмоций.

Джефир открыл глаза, задышавшись, его собственные лёгкие отказались работать против этого идеального, бездушного сжатия. Матиус слегка приподнял бровь, и в этом микро-жесте было больше удивления, чем в любом восклицании.

– Реакция: пассивное принятие с элементами сенсорного анализа. Нестандартно. Переходим ко второй фазе. Контролируемое смещение.

Давление исчезло так же внезапно, как появилось. Но тут же его правую руку дёрнуло в сторону с такой силой, будто за неё ухватилась невидимая рука гиганта. Кость хрустнула, он едва удержал равновесие. Его собственная сила телекинеза, спавшая под подавителями, взбунтовалась, инстинктивно пытаясь «оттолкнуть» захват. В воздухе между ним и Матиусом с сухим, рвущим треском сверкнула синеватая искра, и Джефир почувствовал, как из его ноздрей потекла тёплая

струйка крови.

– Интересно, – произнёс Матиус, делая пометку на планшете, который материализовался у него в руках из ничего. – Сила отвечает на силу. Животный рефлекс. Но канал обратной связи... искажён. Как будто ты не применяешь волю, а зеркалишь мою, пропуская её через собственное, хаотичное искажение.

Он посмотрел на Джефира с первым проблеском чего-то, кроме холодного, клинического интереса. В его глазах мелькнула тень... сожаления?

– Тебя не учили основам. Тебя учили бояться того, что у тебя есть. Жалко. Из такого сырья, при должной ковке, можно было выковать первоклассный инструмент. Теперь... теперь ты просто брак. Брак с необычными, потенциально опасными свойствами.

Сцена 2: Доктор Раскин и Третье Око

Из зала Матиуса его, шатающегося, с окровавленным лицом, перевели в помещение, больше похожее на стерильную операционную будущего. Центр занимало кресло, опутанное проводами и световодами, похожее на паука, замершего в ожидании жертвы. Рядом, вчитываясь в данные на плавающих в воздухе голограммах, стоял худощавый мужчина в белом халате поверх строгой имперской униформы. Его лицо было оживлённым, даже увлечённым, а глаза за большими, увеличивающими линзами очков блестели неподдельным, жадным любопытством. На груди – бирка: «Др. Олден Раскин. Отдел нейросенсорной калибровки».

– А, наш тройной феномен! – воскликнул Раскин, как будто Джефир был редкой, только что пойманной бабочкой, а не пленником. – Проходи, садись, не стесняйся! Не бойся, всё стерильно и почти безболезненно. Моя задача – наконец-то увидеть, как работает твой уникальный, мужской вариант Вигана. Коллега Матиус дал прелюбопытные данные по телекинетическому отклику, но сенсорная мутация... о, это моя страсть! Моя Святая Грааль!

Его энтузиазм был отвратительно искренним, как у ребёнка, разбирающего живого жука. Джефира пристегнули к креслу холодными, самозатягивающимися ремнями. К его вискам, векам и грудной клетке прикрепили датчики, при-

соски которых жали, как пиявки.

– Стандартный протокол зора Вигана, как ты знаешь, предполагает последовательную, контролируемую активацию зрительной коры и связанных отделов, – болтал Раскин, настраивая аппарат, от которого потянулись жгуты к потолку. – Но твои показатели... они указывают на параллельную, хаотичную обработку всех сенсорных потоков одновременно. Ты не просто «видишь» энергию, как девушки. Ты, потенциально, можешь воспринимать её как звук, тактильное ощущение, даже вкус или запах! Представляешь? Синестезия на генетическом уровне! Правда, пока это выглядит как сенсорный хаос, сводящий с ума обычный мозг... Но мы это исправим! Ну, или изучим. Начнём с малого.

Первая волна была простым, сфокусированным теплом, как от ладони, поднесённой к щеке. Джефир почувствовал его кожей, чётко и ясно. «Тепло», – хрипло сказал он.

– Отлично! Тактильный отклик на электромагнитный стимул! Записать! – обрадовался Раскин, и его пальцы затрепетали над голограммой.

Вторая волна была резкой, визжащей, как металл по стеклу. Он услышал её – не ушами, а костями черепа, и вздрогнул всем телом. «Резкий звук», – выдохнул он, чувствуя, как по спине бегут мурашки.

– Аудиальный отклик! Потрясающе! Продолжаем!

Третья волна была другой. Она пришла не из прибора напрямую. Она пришла из памяти прибора, из его архивных

записей. Слабая, записанная много лет назад, но незабываемая, как шрам на душе Империи. Вязкая, чёрная, всепоглощающая. Сигнатура «Пожинателя».

И всё, чему учила Юридика, вся её мантра о слушании, рассыпалась в прах перед этим древним, абсолютным ужасом.

Его Виган, стимулированный и беззащитный, взорвался. Белая комната в его сознании затрещала по швам. Он не просто почувствовал голод. Он увидел его. Увидел, как эта чёрная волна не просто поглощает энергию, а стирает саму информацию, сложность, историю, оставляя после себя лишь плоский, мёртвый, белый шум небытия. Это было не нападение. Это было осквернение самой материи.

Он закричал. Настоящим, хриплым, рвущим горло криком первобытного ужаса. Его тело затряслось в смиренных ремнях, судорожно выгибаясь. Датчики завывли пронзительно, предупреждая о катастрофической перегрузке, на голограммах Раскина поплыл кроваво-красный аварийный свет.

– Чрезмерная реакция! Прекратить подачу! Стабилизировать субъекта! – засуетился Раскин, но в его глазах, помимо профессиональной тревоги, плясало дикое, ненасытное любопытство учёного, стоящего на пороге открытия.

Но было поздно. Джефир, в эпицентре сенсорного ада, перестал сопротивляться. Он... отпустил. Как в том самом сне, что снился ему с детства. Он позволил трём искажённым,

кричащим от боли «нитям» внутри него – телекинезу, Вигану, Лимпо – встретиться, столкнуться, сплестись в отчаянный, болезненный клубок не для контроля, а просто чтобы быть, чтобы пережить этот миг вместе.

И произошло Ничто.

И Всё.

На миг – всего на миг, короче, чем промежуток между ударами сердца, – боль и ужас сменились не тишиной, а... пониманием. Он не видел, не слышал, не чувствовал отдельно. Он воспринял сигнатуру Пожинателя целиком. Как не просто слепой голод, а как бесконечную, одинокую, всепоглощающую боль существа, которое само забыло, как быть сложным, и теперь яростно ненавидит сложность в других. Это не оправдывало его. Но это делало его... понятным. Звеном в цепи, а не бессмысленным хаосом.

В эту миллисекунду в операционной погас свет. Все голограммы Раскина схлопнулись с тихим шипением. Где-то далеко, в глубине Башни, сработала сирена «энергетического скачка», её вой, похожий на крик раненого зверя, прорезал тишину.

Дверь распахнулась от мощного удара. В проёме, очерченная аварийным красным светом из коридора, стояла Альтаир. Её лицо было бледным, как мрамор, а тёмные очки сдвинуты на лоб. Её собственные глаза, белые и бездонные от активированного Вигана, были широко раскрыты. Она смотрела не на Раскина, не на безумно мигающие приборы. Она

смотрела на Джефира.

В её взгляде не было привычного холодного расчёта. Там был чистый, неприкрытый шок. Потому что она, с её безупречным, тренированным, женским Виганом, увидела то же, что и приборы. Но помимо сухих данных, она увидела след. Не просто всплеск энергии. След чего-то целого. Чего-то, что не должно было существовать согласно всем догмам, всем протоколам, всей науке Империи.

А потом взгляд Альтаир метнулся к одному из глухих мониторов на стене, который теперь, в аварийном режиме, показывал не данные калибровки, а карту внешнего периметра Ксилории. На самом её краю, в мёртвом секторе, где двое суток назад тихо висел исследовательский зонд, теперь пульсировали три новых, чужеродных сигнала. Они не нападали. Не пробивали щиты. Они просто выстроились в идеальный, равносторонний треугольник. И начинали синхронно мигать – коротко, длинно, коротко – как будто передавая код.

Они отвечали. На всплеск. На родственный, дикий клич боли и прозрения.

Матиус, словно тень, шагнул вперёд из темноты, его лицо окаменело, но в глазах горел тот же аларм, что и в сирене. Раскин, забыв про Джефира, уставился на карту, бормоча себе под нос, срывающимся голосом: «Невозможно... когерентность сигналов... расстояние... это не реакция, это осмысленный ответ...»

Альтаир медленно, будто через силу, надела очки обрат-

но, скрыв свои белые глаза. Когда она заговорила, её голос был тише обычного, почти шёпотом, но в нём впервые зазвучала не ледяная сталь, а острая, опасная хрупкость, как у надтреснутого кристалла.

– Калибровка завершена, – сказала она, не отрывая взгляда от Джефира, который обмяк в кресле, выдохшийся, с окровавленными губами от закушенного крика и пеной у рта. – Феномен продемонстрировал качественно иной, некаталогизированный тип взаимодействия со средой. И... непредвиденные свойства притяжения внешних угроз. Активный резонанс.

Она повернулась к Матиусу и Раскину, и в её позе была непоколебимая, но уставшая решимость.

– Все полученные данные – немедленно под гриф «Только для Архитектора». Никаких записей в общий протокол, никаких отчётов в Центральный Айсберг. Феномена – в карантинную камеру с двойным экранированием и круглосуточным наблюдением. Я... я должна составить новый отчёт. Лично.

Она вышла, но её всегда прямая, негнувшаяся спина казалась теперь сломленной невидимой тяжестью.

Джефира отстегнули. Он едва мог идти, его ноги не слушались, а в глазах стояли кровавые пятна. Но в его груди, поверх изнеможения, страха и физической тошноты, тлел крошечный, едва уловимый, но невыносимо горячий уголёк. Уголёк того самого понимания.

Юридика была права. Он не был сломанной игрушкой. Он был вопросом. И только что его крик-вопрос, рождённый в агонии, слышали не только в Башне Незримой Воли.

Его слышали там. В пустоте. И ответили.

И теперь, чтобы найти ответы, возможно, придётся идти навстречу тому, что ждёт за периметром. В самое пекло.

Глава 4 Решение и отпечаток

Сцена 1: Совещание у трона

Зал Совета был лишён не только украшений – он был лишён самой возможности их существования. Помещение представляло собой идеальный геометрический объём, высеченный из того же чёрного, звукопоглощающего материала, что и Башня. Длинный стол из полированного обсидиана отражал лишь мерцание голограмм и бледные, искажённые лица сидящих за ним. Свет исходил ниоткуда и растворялся в нигде. Воздух был стерилен и тяжёл, как перед грозой, которую никогда не допустят внутрь.

Во главе, в кресле, которое было не троном, а скорее станцией управления, интерфейсом между волей и империей, сидел Архитектор. Роланд. Он не смотрел на голограммы, плавающие над столом – графики, карты, трёхмерные модели аномалии. Он смотрел сквозь них, будто видел в пустоте за ними шлейфы иных, более давних решений, приведших всех сюда.

За столом сидели трое, разделённые метрами полированного камня и световыми годами взаимного презрения: Альтаир, безупречная и бледная, будто выточенная из льда Витариума; Матиус, неподвижный, как скала, впитывающая все

удары; и доктор Олден Раскин, чьи тонкие пальцы нервно перебирали край планшета, оставляя на нём невидимые следы пота. Воздух был густ не только от тишины, но и от подавленной, тщательно откалиброванной вражды.

– Начните, – сказал Роланд. Его голос не громышал. Он просто возник, заполнив собой тишину, как вода заполняет сосуд. В этом не было власти – лишь констатация неизбежности.

Альтаир коснулась столешницы, и её прикосновение было холодным и точным, как удар скальпеля. В центре стола возникла, развернувшись из точки, трёхмерная запись – Джефир, пристегнутый в кресле Раскина, его тело, выгибающееся в немой судороге, спектрограммы, рвущиеся в красную зону, и затем – резкий переход на карту внешнего периметра с тремя кроваво-красными, пульсирующими точками.

– Феномен Джефир, – её голос был ровен, отполирован дисциплиной, но под этим слоем льда слышалась тончайшая стальная проволока натяжения, готовая лопнуть. – В 14:32 по имперскому хронометражу, в ходе сенсорной калибровки под протоколом «Омега-Дельта», произошёл неконтролируемый симбиотический выброс трёх взаимосвязанных полей. Его пси-сигнатура на 0.003 секунды достигла качественно иного состояния – не хаотичного, как прежде, а когерентного. Единого. В этот идентичный момент внешние дальномерные датчики зафиксировали ответный сигнал от трёх объектов, классифицированных по Архиву как «Рейдеры типа

„Пожинатель"». Объекты не нарушили периметр. Они выстроились в геометрически безупречную формацию и начали синхронное, модулированное излучение. Они не атаковали. Они... отвечали. На всплеск.

– Они отвечали на призыв, – глухо, будто из-под земли, проговорил Матиус. Его руки лежали на столе ладонями вниз, и казалось, стол под ними слегка прогибался. – Феномен работает как активный маяк. Каждый его сбой, каждый выброс – это вспышка в абсолютной темноте для этих хищников. Он не просто аномалия. Он – диверсионный агент, даже не осознающий своей роли. Биологическая мина. Протоколы безопасности в их первозданной, неоспоримой чистоте требуют немедленной изоляции источника угрозы. Или его ликвидации.

– Ликвидации? – фыркнул Раскин, не сдержавшись, и этот звук был таким же резким и неприличным, как разбитая колба в святая святых. – Вы предлагаете уничтожить, возможно, величайшее нейросенсорное открытие со времён первоначального декодирования базовых принципов Вигана! Его реакция на стимул «Рейдера» – это не просто животный страх! Он взаимодействовал с чужеродной сигнатурой на когнитивном уровне, недоступном нашим самым чувствительным приборам! Он не маяк, коллега Матиус, он – переводчик! Живой криптограф, способный, потенциально, расшифровать их язык! Их мотивацию! Представьте, если...

– Чтобы что? – холодно, не повышая тона, парировала

Альтаир. Её белые глаза, лишённые зрачков, остановились на Раскине, и он невольно смолк. – Чтобы вежливо попросить их не пожирать наши колонизированные миры? Их «язык» – это язык энтропии в её чистейшей, самой антитезической форме. Феномен продемонстрировал, что катастрофически уязвим для этого языка. Что его собственная, едва наметившаяся целостность разрушается при прямом контакте. Он – ключ. Да. Но ключ к двери, за которой содержится только яд. И он этот ключ ещё и впитывает.

Роланд медленно поднял взгляд от пустоты. Все замолчали, будто перекрыли невидимые клапаны.

– Доктор Раскин, – произнёс Архитектор. Каждое слово было отдельным грузом, положенным на весы. – Ваша окончательная оценка его ценности как исследовательского объекта. Без энтузиазма. Только факты, которые можно проверить.

Раскин сглотнул, поправил очки.

– Бесценна, – выпалил он, но тут же понизил голос, в нём появилась трещина. – Но... его психическая архитектура нестабильна. Она не выдержит. Ещё несколько таких прямых контактов, и мы можем получить не переводчика, а... проводника. Окно, открытое нараспашку, через которое их восприятие, их способ бытия потечёт к нам. И что тогда срастётся по нашу сторону окна – предсказать невозможно.

– Инструктор Матиус, – продолжил Роланд, повернув голову на сантиметр. – Ваша оценка тактической угрозы. На

поле боя. Не в теории.

– Максимальная, – отчеканил Матиус, не моргнув. – Он привлекает цель, как гнилая плоть привлекает падальщиков. В условиях активных боевых действий это недопустимо. Он обрекает на смерть любой отряд, в котором находится. Однако... – он сделал небольшую, явно неохотную паузу, будто вытаскивая слова клещами, – если бы его можно было контролируемо активировать в строго заданной, изолированной точке пространства и в строго рассчитанное время... он стал бы идеальной, непревзойдённой приманкой для точечной засады. Способом выманить и уничтожить.

– Смотритель Альтаир, – голос Роланда стал тише, почти интимным в этой гигантской, давящей тишине. – Ваша рекомендация. Как той, кто видит не только данные, но и их... отголоски.

Альтаир замерла. Её белые, всевидящие глаза, оружие и проклятие её Виган, были прикованы к голограмме Джеффира – не к кричащему лицу, а к энергетическому отпечатку, странному, тройному узору, который всё ещё висел в воздухе.

– Исключить оба крайних варианта, – сказала она наконец, и каждый звук был взвешен. – Ликвидация – это безвозвратная потеря уникальных данных и, возможно, единственного в своём роде потенциального оружия. Безоглядное изучение – неоправданный, идиотский риск для всей Ксилории. Я предлагаю путь контролируемого давления. Изолировать

его не в тюремной камере, а в... лаборатории-садке. Создать условия, где его аномалия будет проявляться не хаотично, а предсказуемо, в ответ на заданные нами стимулы. Наблюдать. Собирать данные. И ждать.

– Ждать чего? – спросил Матиус, и в его вопросе прозвучало нетерпение солдата, для которого ожидание – слабость.

– Пока он не сломается окончательно, не рассыплется в прах, дав нам полную карту пределов прочности его феномена... – она сделала паузу, и в уголках её бесцветных глаз дрогнули микроскопические морщинки, – ...или не научиться хоть как-то, на примитивнейшем уровне, управлять тем, что в нём есть. В первом случае мы получим исчерпывающие данные. Во втором – инструмент. В любом случае, мы сохраним актив под контролем и минимизируем угрозу для системы.

Роланд снова погрузился в молчание. Его пальцы, длинные и бледные, слегка постукивали по ручке кресла – единственный признак жизни в этой статуе. Две тысячи лет принятия решений, каждая из которых калечила или убивала, отложились в нём не сединой, а тяжёлым, невидимым свинцом в костях.

– Санкционирую протокол Смотрителя Альтаир, – наконец произнёс он, и это прозвучало как приговор, высеченный в граните. – Феномен Джефир перевести на объект «Крипта». Максимальная физическая и энергетическая изоляция. Максимальное, круглосуточное, многоуровневое на-

блюдение. Доктор Раскин разрабатывает программу «мягкого», дозированного стимулирования для выявления паттернов. Инструктор Матиус обеспечивает внешнее периметральное кольцо безопасности из бойцов «Молота» и готовит оперативный план «Кербер» на случай, если феномен или привлечённые им объекты выйдут из-под контроля.

Он посмотрел на каждого по очереди, и его взгляд был пустым, как глубина космоса за щитами.

– Он – семя, упавшее в расщелину между нашими мирами. Мы посмотрим, что вырастет: ядовитый плющ, который оплетёт и разорвёт наши стены изнутри... или дерево с крепкой древесиной, которое можно срубить и использовать как балку для новых, более высоких укреплений. Совет окончен.

Голограммы погасли одна за другой, словно уходя в небытие. Совет разошёлся без слов – Альтаир выпрямившись, Матиус тяжёлой поступью, Раскин, бормоча что-то себе под нос. Роланд остался один в темноте, которая теперь была абсолютной. Он не двигался, глядя на то место, где висела карта с тремя вражескими сигналами – тремя проклятыми точками, ответившими на крик его творения.

«Прости, дитя, – подумал он, обращаясь к призраку, который был всегда с ним, холоднее и реальнее любого голограмма. – Даже семена теперь приходится проверять на ядовитость. В мире, который я построил, нет места невинности. Даже в незнании. Особенно в незнании».

Сцена 2: Крипта. Отпечаток

Объект «Крипта» был не камерой. Он был саркофагом для сознания. Помещение, вырезанное в сердцевине монолита особого, редкостного минерала – пси-негатора. Вещество глушило не только энергетические излучения. Оно подавляло сам резонанс, самую возможность диалога между силами. Стены, пол, потолок – всё было полупрозрачным, мерцающим тусклым, безжизненным голубым светом изнутри, будто это был кусок вечного, мёртвого полярного сияния. Воздух был сухим, вымороженным до состояния стерильности, и пах озоном – не живым запахом грозы, а химическим послевкусием тотального подавления.

Здесь не работали не только способности. Здесь притуплялись, стирались сами чувства. Звуки становились приглушёнными, будто доносящимися из-под толщи воды. Краски блёкли, теряя насыщенность, словно мир за пределами этого кристалла был лишь смутным воспоминанием.

Джефира доставили под усиленным эскортом стражников в шумоподавляющих шлемах. Когда массивная, отполированная до зеркального блеска каменная дверь за ним закрылась с тихим, окончательным хлопом разрежаемого воздуха, он ощутил не ужас, а парадоксальное, леденящее облегчение. Давящий, постоянный гул его собственных сил, вечный страх перед их неконтролируемым, болезненным выбросом

— всё это ушло. Осталась только физическая усталость, ломота в каждом перегруженном суставе и странная, зияющая пустота в месте за грудиной, где в его снах теплился тот самый тёплый, живой узел цельности.

Он почти упал на единственную койку, вмонтированную прямо в кристаллический пол. И тогда, в этой гробовой тишине, он понял, что она — обманчива.

Она была не пустой. Она была наполненной отзвуком.

Тот чёрный, всепоглощающий голод, который выжиг ему душу в кресле у Раскина, не исчез. Он остался. Не как воспоминание. Как шрам на самом восприятии, как инородный кристалл, вросший в ткань его сознания. Фантомная боль ампутированной связи.

Джефир закрыл глаза, желая только темноты и забытья.

И вместо этого увидел.

Он увидел вселенную с точки зрения пожинателя.

Это не было видением в привычном, человеческом смысле. Это было знание, влитое в него напрямую, шоковая терапия абсолютно чуждого восприятия. Он не видел звёзд, туманностей, планет. Он видел узоры энтропии. Миры для этого взгляда были не мирами, а болезненными, яркими сгустками «шума», «непорядка», «ненужной, вычурной сложности». «Пожинатели» скользили по этим узлам, как скальпели по раковой опухоли, стирая их. Превращая пёструю, невыносимо яркую, кричащую картину бытия в ровное, тёмное, беззвучное ничто. В этом ничто не было боли от потери. Не

было страха небытия. Не было воспоминаний о двух солнцах над лугами Элизиума или смеха дочери, отзвука которого хватило бы на вечность. Там был только покой. Абсолютный, вечный, мёртвый покой полного упрощения.

И в самой сердцевине этого «видения» он ощутил не ненависть, а... тоску. Бесконечную, бездонную, всепоглощающую тоску по тому самому покою, который они несли другим. Они не ненавидели сложность. Они завидовали ей. Потому что сами были её порождением, мутантами, которые забыли, как быть живыми, и теперь мстили всей жизни за своё собственное, неисправимое несовершенство, за свою неспособность чувствовать.

Джефир застонал, пытаясь вырваться, оттолкнуть это. Но видение не отпускало. Оно показывало ему Землю. Не ту, прошлую, из учебников, а возможную, будущую. Прекрасную, синюю, дико, нелепо, прекрасно сложную, полную «шума» миллиардов жизней. И затем – серую, шелковистую плену, ползущую по её поверхности, стирающую океаны, горы, города, мысли, сны, воспоминания. Превращающую всё в ровную, молчаливую, однородную пыль. Это было не нападение. Это было исцеление с точки зрения заражающего.

Он понял. Это не угроза. Это пророчество. Карта того, что они делают. Их миссия.

И из кармана его грубой, не сменённой одежды, вдруг хлынул волной жар, обжигающий даже сквозь ткань. «Сердце Молчания». Камень, лежавший безмолвно всё это время,

как мёртвый, теперь пылал в его кармане, как кусок звезды. Он выхватил его, чуть не выронив. Камень в его ладони не просто светился изнутри слабым светом. В его обсидиановой глубине, как в экране древнего, запретного коммуникатора, замелькали, проступали другие образы.

Образы Эонитов.

Не богоподобных гигантов и не хрупких эльфов. Существ из сплетённого света и резонирующей гармонии. Они не строили мостов между звёзд. Они пели, и пространство откликалось им мелодией, само складываясь в пути, в арки, в сады. Они не делили силы на телекинез, прыжки и зрение. Они были целым. Их песня была о балансе, о принятии сложности, о бесконечном, радостном диалоге со вселенной, в котором вопрос и ответ были одним аккордом.

Их мир не был «уничтожен» Пожинателями в яростной битве. Он был... заражён. Как здоровый, сияющий организм одной-единственной, случайной, незамеченной инфекцией. От одного разрыва в гармонии, одной микроскопической трещины в хоре, через которую просочилась иная, упрощающая тишина.

Камень показывал ему это не для утешения. Это была инструкция. Предупреждение. Обрывки их знания, их «грамматики бытия», хранимые в этом кристаллическом сердце, теперь вступали в резонанс с его собственным, искажённым, поломанным «глаголом». Он не понимал этого языка. Но он чувствовал его. Как чувствуют музыку, не зная нот.

Одновременное, противоречивое давление двух кошмаров – ледяного, тоскливого отчаяния «Упростителей» и ослепительной, утраченной гармонии Эонитов – грозило разорвать его рассудок по швам. Он кричал, но в глухой, звукопоглощающей крипте его крик был беззвучным воплем, судорогой гортани.

И тогда, на самом краю, где уже не было ни «я», ни «оно», он снова, как и в кресле Раскина, отпустил.

Не в сторону одного кошмара или другого. Не к свету и не к тьме. А вовнутрь. В ту самую зияющую пустоту за грудной, где, по словам Юридики, должно было быть единство.

И произошло не слияние, а противостояние.

Его собственное, едва проклюнувшееся, дикое чувство возможной целостности стало полем боя, песчинкой между жерновами. На неё давила, стремилась раздавить серая, упрощающая пустота «Пожинателей». И её же звала, манила, жаждала поглотить ослепительная, требовательная сложность Эонитов. Он был тончайшей нитью, которую рвали в двух противоположных направлениях, и боль была настолько тотальной, что переставала быть болью, становясь чистым фактом существования.

Внешне он лежал в кататоническом состоянии, тело сотрясали мелкие, аритмичные судороги, как от слабого, но постоянного разряда. Из его носа и ушей сочились тонкие струйки крови, алая на фоне бледно-голубого света крипты.

Но внутри... внутри он держался. Не силой воли. Не му-

жеством. Просто вниманием. Стойким, упрямым, животным вниманием утопающего, который видит и тень дна, и свет поверхности, и просто знает, что он есть. Он наблюдал за этой космической битвой внутри своей груди как безучастный, ничего не решающий свидетель.

И в этом чистом, безоценочном наблюдении, в этом отказе от выбора стороны, родилось третье, немыслимое, невозможное чувство.

Сострадание.

К обоим. К тем, кто забыл, как быть живым, и теперь нёс смерть как единственный известный им покой. И к тем, кто пел так прекрасно, что не смог услышать в тишине подкрадывающейся болезни и не сумел защитить свою песню.

И в миг этого двойного, разрывающего сердце сострадания, «Сердце Молчания» в его сведённой судорогой руке вспыхнуло не светом, не теплом. Оно излучило глубокую, утробную, всепоглощающую тишину – не тишину пустоты, а тишину полного присутствия. И эта тишина на одно, короткое, вечное мгновение погасила и кошмар упрощения, и ослепляющее воспоминание о гармонии.

Джефир открыл глаза. Он был мокрым от пота, который мгновенно холодел на коже. Кровь на его губах была солёной и металлической. Камень в его бессильно разжавшейся ладони снова был просто тёплым, гладким обсидианом.

Он не стал сильнее. Он не получил новых сил или ясных знаний. Он был опустошён, выскоблен до боли, сломан, как

никогда.

Но в него, в самые его основы, поселилось знание о знании. Он теперь на собственном опыте, на собственной, израненной шкуре, понимал, что такое «Пожинатели». Не из отчётов. А изнутри их тоски. И он понимал, что такое наследие Эонитов. Не как миф, а как отголосок песни, которую его собственные гены были искажённо призваны петь. Он был не объектом. Не оружием. Он был полем боя. Полем боя не на жизнь, а на сам смысл существования.

Дверь в крипту открылась без предупреждения, без звука. На пороге, нарушая все протоколы абсолютной изоляции, стояла Юридика. Она выглядела так, будто прошла через десять кругов ада, специально созданных для неё. Её лицо было пепельно-серым, под глазами – фиолетовые тени, но сами глаза горели лихорадочным, нечеловеческим блеском, в котором смешались её обычный Виган с третьем дыханием, что видел суть вещей.

– Они решили растить тебя в пробирке, под микроскопом, – прошептала она, шагнув внутрь, и её шёпот в тишине крипты прозвучал как крик. – Идиоты. Слепые, умные идиоты. Они не видят, что ты уже не в пробирке. Ты – в окопе. В окопе между двумя армиями, готовыми к последней битве. И обе, – она покачала головой, – обе уже считают тебя своим. Трофеем. Или предателем.

Она увидела кровь на его лице, его пустой, устремлённый в потолок взгляд, и её собственное, всегда искажённое

гримасой лицо вдруг исказилось по-другому – настоящей, немой болью.

– Ты коснулся их, да? Не просто сигнатуры. Сути. И оно... коснулось тебя. Оставило отпечаток.

Джефир смог лишь слабо кивнуть, не в силах выдавить из себя ни звука.

– Хорошо, – странно, почти с одобрением сказала Юридика. – Теперь ты знаешь врага не из учебников и докладов Альтаир. Теперь он в тебе. Часть твоего поля. И значит, – она присела на корточки рядом с ним, её глаза на одном уровне с его, – ты можешь научиться слышать его шаги не где-то там, в далёком космосе, а здесь, внутри, раньше, чем он сделает следующий шаг. Ты можешь научиться... не отражать его атаку. Ты не щит. Ты можешь научиться уворачиваться. Менять тот самый узор, который он хочет стереть, на долю секунды раньше, чем его скальпель коснётся ткани реальности.

Она опустилась на холодный кристаллический пол рядом с его койкой, не обращая внимания на стерильную чистоту.

– Рассказывай. Всё. Каждую деталь, каждый оттенок чувства, каждый обрывок мысли. Мы начинаем первую настоящую лекцию. Не про контроль. Про выживание. Ты выжил после прямого контакта с абсолютным «нет». Значит, ты уже не семя. Ты – росток. Уродливый, кривой, но росток, пробивающийся через асфальт их предсказаний. И нам нужно решить, каким деревом ты станешь, пока они там, наверху, не

решили, что пора спилить тебя на дрова для своего вечного, безопасного костра.

За её спиной, в проёме двери, на мгновение мелькнула тень, искажённая преломлением света в кристалле, и исчезла. Кто-то наблюдал. Возможно, Альтаир со своим белым, всё видящим взглядом. Или тот, кого она прислала. Или кто-то совсем другой.

Но Джефиру в тот момент было уже всё равно. У него внутри, в той самой пустоте, бушевала, затихая в изнеможении, война двух миров. И ему отчаянно нужен был проводник в этом личном, вселенском апокалипсисе.

Им стала безумная оракула с глазами, видевшими слишком много, которая смотрела на него теперь не с научным интересом и не с жалостью, а с жадностью голодного ученика, нашедшего, наконец, живой, дышащий учебник по Концу Света.

Глава 5 Слух камня и шепот трона

Сцена 1: Грамматика тишины

Время в «Крипте» не текло. Оно застревало в кристаллической решётке стен, превращаясь в густой, неподвижный сироп. Дни и ночи слились в одно непрерывное, бледно-голубое «сейчас», отмеряемое только приходами Юридики. Её появления были не просто визитами – они были приливами и отливами в этом мёртвом море, единственными точками отсчёта в бесконечном безвременье.

Они не тренировали Лимпо. Не будили телекинез. Силовое поле «Крипты» давило на эти способности, как многокилометровая толща льда. Они тренировали внимание. Самую мускулатуру восприятия.

– Забудь о желании толкнуть мир, сдвинуть его с места, – говорила Юридика, сидя на каменном полу в причудливой позе. Её голос в звуконепроницаемой камере был якорем, единственной твёрдой точкой в расплывающейся реальности. – Сначала научись его слушать. Не ушами. Тем местом, где у тебя всё время болит. Там, где сходятся три сложенные нити.

Она заставляла его концентрироваться на «Сердце Молчания». Не на его тепле, а на паузах между ударами. На тех

моментах тишины, когда камень замирал, будто прислушиваясь сам. Она называла это «слухом камня».

– Всё оставляет след в ткани реальности, – нашептывала она. – Эониты не «строили» мосты. Они слышали естественный резонанс между точками и подпевали ему, пока тихий зов не становился дорогой. Пожинатели создают какофонию, в которой любая сложная мелодия рвётся. Ты должен научиться различать эти два звука внутри себя. Ибо ты теперь – камертон для обоих.

Поначалу Джефир слышал лишь навязчивый гул собственного страха. Но после тех кошмарных видений к нему стало приходить иное чувство – некий внутренний эхолокат.

Однажды, вглядываясь вглубь кристалла, он «услышал» саму Крипту. Не как комнату, а как напряжённую, живую матрицу. Сложное переплетение полей, которое закручивало его силу в тугой, болезненный узел в районе солнечного сплетения. Он понял принцип клетки всем существом: он был не в тюрьме. Он был тюрьмой для самого себя.

– Хорошо, – кивнула Юридика, увидев озарение в его глазах. – Теперь ты знаешь форму своей клетки. Первый шаг к тому, чтобы понять, где в ней дверь. Не чтобы сбежать. Чтобы осознать, зачем она нужна тюремщику.

Её уроки были горькими, отравленными мудростью. Каждый её уход ощущался как хирургическое извлечение части души. А когда она возвращалась, то была ещё бледнее, и в глубине её зрачков плавало отражение чего-то, о чём Дже-

фир боялся спрашивать.

Сцена 2: Отчёт о нелогичном

Личный кабинет Альтаир был воплощением холодного порядка. Но сейчас на идеальной столешнице лежали листы плотной бумаги. На них она вручную выводила символы, строя ментальные карты. То, что она исследовала, не должно было попасть в сеть.

Объект: сновидческая активность Аномалии Джефир, феномен «Белая комната».

После её приказа Джефир начал описывать старый, повторяющийся с детства сон. Бесконечное, тёплое, пустое «где-то», лишённое границ и страха. Чистая концепция целостности.

Логика Альтаир дала сбой. Этот образ не укладывался ни в один шаблон. Сравнив энцефалограммы Джефира во время «белой комнаты» и во время всплеска в Башне, она обнаружила зеркально противоположные паттерны, сходящиеся в одной точке – в глубинных отделах мозга, отвечающих за базовое самоощущение.

Рабочая гипотеза: «Белая комната» – не сон. Это внутренняя проекция изначальной, нерасщеплённой способности. Детский образ того, чем его сила могла бы быть, если бы не была расколота на три враждующих аспекта.

Дверь открылась без стука. В проёме стояла Юридика. Не в комбинезоне, а в простом сером платье, с неожиданно яс-

НЫМ ВЗГЛЯДОМ.

– Смотритель. Вы близко к разгадке. И к пропасти.

– Ваши выводы? – холодно спросила Альтаир.

– Он – не мутация. Он – возвращение. К изначальному шаблону Эонитов. Целостному. Тому, что был до того, как Архитектор разделил силы для контроля.

– Вы говорите ересь.

– Я говорю то, о чём он сам догадывается. Почему технологии Пожинателей так похожи на наследие Эонитов, но извращены? Что если это одно семя, давшее два ростка? Наш бог построил империю на одном побеге. А теперь пришёл второй – в виде мальчика, который кричит на языке, понятном и тем, и другим.

Альтаир замерла. Её гипотеза обрела чудовищный космический контекст.

– Зачем вы мне это говорите?

– Потому что когда придёт время выбирать между долгом перед Империей и истиной, вы сделаете расчёт. А я – безумная старуха. Но он начинает слышать камни, Альтаир. Скоро услышит и ложь. И когда услышит... «Крипта» его не удержит.

Сцена 3: Бог, смотрящий в оба конца трубы

В покоях Архитектора на стенах горели два изображения.

Слева – Джефир в «Крипте», с закрытыми глазами. Нейроактивность – непривычные, волнообразные паттерны.

Справа – тактическая карта. Три сигнала «Рейдеров» начали движение. Их траектория вела к заброшенной станции «Гамма-7», где когда-то изучали первые артефакты Эонитов.

Роланд смотрел на оба экрана. Усталость тысячелетий висела на нём тяжёлым плащом.

«Мост», – подумал он. Безумие Юридики обрело черты леденящей логики.

Он отдал мысленный приказ. В комнате материализовался голографический аватар.

– Приказ Смотрителю Альтаир и Инструктору Матиусу. Сформировать группу для миссии на «Гамма-7». Цель: наблюдение и перехват образцов.

Он сделал паузу.

– Включить в группу Аномалию Джефир. В качестве пассивного сенсорного актива. Экспериментальный костюм «Саван». Любой ценой сохранить живым. Если проявит активность – доклад напрямую мне.

Аватар исчез. Роланд остался один.

– Прости, – прошептал он в пустоту. – Но у детей, вырос-

ших в пепле, нет права на сомнения. Только на эксперименты.

Сцена 4: Триада и приманка

Ангар перед вылетом поражал атмосферой смертоносного профессионализма. У шаттла «Стриж» строились три отдельные когорты – живое воплощение военной доктрины Ксилории.

«Щит». Пятеро телекинетиков в доспехах с усиленными наплечниками. Воздух вокруг них слегка дрожал, искажая свет. Их лидер, коренастый ветеран Корв, обменивался с Матиусом скупыми фразами. Их задача – силовое прикрытие.

«Клинок». Четверо мастеров Лимпо в облегающих чёрных скафандрах. Они не стояли на месте, их стойки были динамичными, готовыми к мгновенному исчезновению. Их лидер, худая женщина с лицом-маской Лира, с холодным интересом смотрела на Джефира.

«Око». Две девушки-сенсора Вигата. Их глаза, скрытые светозащитными очками, всё равно источали тусклый перламутровый отсвет. Они уже сканировали ангар, шаттл, Джефира. Младшая из них, девушка с серебристыми волосами, резко вздрогнула, когда её Бьякуган коснулся ауры Джефира. Её лицо исказилось от боли и замешательства – её восприятие, настроенное на женские, отточенные паттерны, столкнулось с чем-то грубым, мужским и хаотично-мощным. Она зашаталась, и её напарница, женщина постарше с каменным лицом, быстро поддержала её, бросив на Джефира.

ра взгляд, в котором смешались холодный анализ и глубокая настороженность. Они были живыми радарами, и Джефир для них был не просто объектом – он был аномалией даже в их собственном, исключительно женском даре.

В центре этого смертоносного механизма стояла Альтаир. Матиус – её силовая тень.

Джефиру вручили костюм «Саван». Ткань была живой, обволакивающей, мягко глушащей любой внутренний импульс. Когда он его надел, мир приобрёл глухие, приглушённые тона.

– Твоё место там, – Матиус указал на кресло в центре салона «Стрижа», опутанное датчиками. – «Око» будет следить за твоим состоянием. Твоя задача – не действовать. Чувствуешь что-то – говори.

Перед самым вылетом Альтаир подошла и вложила ему в руку плоский подъязычный имплант.

– Если «услышишь» ту самую пустоту... слово «Хорус». Только мне.

Шаттл оторвался от пола. В момент перехода в нормальное пространство Джефира накрыло.

Не видение. Звук. Давящий, басовый, бесконечно тоскливый гул, идущий из той точки, куда они летели. Зов потерянного домой.

Он сжал «Сердце Молчания» в кармане и шепнул в имплант:

– Хорус.

Альтаир, наблюдая на планшете, как сенсоры «Ока» зафиксировали синхронный всплеск у Джефира и на карте, холодно кивнула. Эксперимент шёл по плану.

Матиус отдал команды. Телекинетики «Щита» заняли позиции. Мастера «Клинка» растворились. Девушки «Ока» впились взорами в пустоту, но теперь они смотрели не только вовне, но и внутрь, на дрожащие показатели аномалии в центре их круга.

Джефир закрыл глаза. Он был приманкой на крючке. И все эти безупречные воины вокруг – лишь леска, связывающая его с усталым рыбаком на троне.

А в законспирированном отсеке шаттла, куда не было доступа даже Матиусу, Юридика прижалась лбом к холодной обшивке.

– Лети, зерно, – прошептала она. – Лети в Сад. Посмотрим, в тень или в свет ты прорастёшь.

Глава 6 Сад теней

Сцена 1: Проросшее наследие

Станция «Гамма-7» висела в поясе астероидов не как мёртвый корабль, а как чёрный, прогнивший плод на ветви космоса. Её корпус, некогда полированный титан, теперь был покрыт шершавыми наростами непонятной биоминеральной породы, мерцавшей тусклым, больным сиянием изнутри. Когда шлюз «Стрижа» со скрежетом, будто рвущим плоть, состыковался с аварийным портом, воздух с шипением выровнялся – и на команду обрушилось дыхание Сада.

Оно было тёплым, влажным и густым. Пахло озоном, как после грозы, сырой глиной и... медью. Сладковатым, металлическим привкусом крови на языке. Фонари выхватывали из непроглядной тьмы не коридоры станции, а чашу.

Зрелище заставило даже дисциплинированных бойцов замереть. Инженерные панели, трубопроводы, опорные балки – всё было поглощено, переплетено и преобразовано. Металлические прожилки, похожие на вены, прорастали сквозь мясистые, биолюминесцентные грибы высотой в два человеческих роста, шляпки которых пульсировали мягким фиолетовым светом. Со «стен» свисали светящиеся лианы, тонкие, как нервы, они ритмично сжимались и разжимались, издавая

едва слышный шелест. Кое-где из щелей распускались хрустальные «цветы», чьи лепестки тихо позванивали от невидимых вибраций, наполняя воздух фоновым, тревожным гулом.

Это не была заброшка. Это был безумный, живой Сад Теней – эксперимент, вырвавшийся из-под контроля и проросший сквозь скорлупу технологий, воспоминание об Эонитах, заражённое веками изоляции и, возможно, чем-то ещё.

– «Око», полное сканирование. Глубина восприятия на максимум, – скомандовала Альтаир. Её голос, обычно бесцветный, прозвучал резко и чужеродно в этой органической, дышащей тишине.

Девушки-сенсоры синхронно сняли защитные очки. Их глаза загорелись холодным, перламутровым светом Вигана. Младшая, та самая с серебристыми волосами, чьё имя было Элис, сразу же вскрикнула, схватившись за виски. Её Виган, настроенный на чтение чётких энергетических паттернов имперских технологий и живых существ, наткнулся на хаос.

– Слишком... слишком много слоёв! Энергия... она не течёт, она цветёт и гниёт одновременно! И есть эхо... глубокое, чужое... оно тяжёлое, липкое...

– Конкретику. Координаты источника и угроз, – отрубил Матиус, его рука уже лежала на рукояти тактического пси-усилителя на поясе.

– Впереди, триста метров... центральный реакторный зал.

Там ядро аномалии. Но... там же и та тьма. Та, что снаружи. Она уже здесь. На низкой частоте. Я... я не могу её чётко увидеть, она как слепое пятно в моём зрении.

– «Клинок», тактическая разведка вперёд. Серия коротких прыжков, дистанция не более двадцати метров внутри объекта, – отдала приказ Лира своей группе. Её лицо под маской оставалось непроницаемым, но пальцы слегка подрагивали. – «Щит», формируем подвижный периметр. Аномалия – в центре. Ни шага в сторону.

Джефира плотным кольцом окружили телекинетики. Их комбинированные силовые поля создавали ощущение лёгкого, постоянного давления на кожу, будто он шёл в толще плотной воды. Он сжимал в кармане «Сердце Молчания». Камень был не просто тёплым – он вибрировал, отзываясь на что-то вокруг.

Сад реагировал. Когда один из мастеров «Клинка» совершил пробный, ювелирно точный прыжок через зал, чтобы осмотреть развилку, все светящиеся грибы в радиусе десяти метров вспыхнули ослепительно-белым, слепящим светом, а затем разом погасли, оставив в воздухе плавающие зелёные послеобразы. Воздух затрещал от наведённой статики, волосы на руках встали дыбом.

– Любое резкое пространственное искажение вызывает фотонную и электрическую вспышку, – доложила Лира, её голос был ровен, но учащён. – Это не атака. Это... реакция. Как иммунный ответ.

Позже, когда телекинетик «Щита» попытался оттолкнуть от пути свисающую, толстую лиану, та внезапно обвилась вокруг его силового поля с сухим, шипящим звуком. Из её пор брызнула струя едкой, прозрачной жидкости, которая, попав на металлический пол, начала его разъедать с тихим свистом, выделяя едкий дым.

– Целенаправленная агрессия на прямое силовое воздействие, – прокомментировал Корв, его голос был хриплым от напряжения. – Эта экосистема не просто существует. Она учится. Или помнит.

Альтаир всё это фиксировала с холодным, клиническим интересом. «Сад» был не ловушкой в обычном смысле. Он был живой, дышащей проверкой. Испытанием на грубость, на непонимание.

А Джефир... он слышал. Сквозь глушащую ткань «Сава-на», сквозь шум чужих пси-полей и тревожное дыхание команды, до него доносился обрывок, клочок напева. Тот самый, что звучал в его видениях от Эонитов, но теперь – искажённый, сбитый с ритма, полный болезненных пауз и фальшивых нот. И поверх этого разорванного напева, как гроза за горизонтом, нарастал тот самый, давящий гул. Голодная, серая пустота Пожинателей. Она не просто окружала станцию. Она медленно, неумолимо сжималась вокруг Сада, как удав, готовый к последнему удушающему движению.

Сцена 2: Сердце Сада и пришествие Пустоты

Центральный зал был собором, который машина родила, а жизнь – переосмыслила. На месте мощного термоядерного реактора теперь пульсировало нечто иное. Гигантская, многослойная кристаллическая структура, похожая на застывший в момент падения водопад из чёрного обсидиана и тёмного янтаря. От неё во все стороны, врастая в стены, пол, потолок, расходились лучи-прожилки, мерцавшие изнутри тусклым золотом. Это было Сердце Сада – гиперкристалл, аккумулировавший и преломлявший энергию по законам, забытым миром.

И у его подножья, будто дары неведомым богам, лежали три продолговатых объекта. Не коконы, а скорее капсулы из тусклого, матового металла, испещрённого потухшими узорами. Артефакты Эонитов. Цель их миссии.

– «Око»? Статус объектов, – тихо, не отрывая взгляда от кристалла, спросила Альтаир.

Элис, с трудом удерживаясь на ногах, прошептала, и в её голосе звучала чистая, недетская тоска:

– Артефакты... они спят. Глубоко. Но от них идёт... тончайшая нить связи. Сквозь станцию, сквозь щиты... наружу. Их уже зондируют. Там, снаружи... они ждут ответа.

В этот момент ровный, давящий гул перешёл в низкоча-

стотный рёв, который ощущался не ушами, а костями, внутренностями, зубами. Свет в Саду – нежное свечение грибов, ритмичная пульсация лиан – начал не гаснуть, а выцветать. Будто сам цвет, сама яркость высасывались воронкой в никуда. Волна серой, беззвучной, абсолютной пустоты покати-лась по коридорам, достигла зала и хлынула внутрь.

Первыми пали «Око». Обе девушки вскрикнули в унисон – коротко, как от удара ножом. Они схватились за лица, из-под их ладоней потекла не кровь, а густая, чёрная, как чернила, жидкость. Их Виган, их дар видения энергии, получил прямой ожог от контакта с отсутствием информации, с анти-светом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.